

*Н.А. Корепина*, кандидат филологических наук, доцент,  
доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2  
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск (Россия)

*Ключевые слова:* личное местоимение; первое лицо; самость; эгоцентризм; антропоцентризм; самопрезентация; семантика.

*Аннотация:* В статье рассматривается семантика личного местоимения первого лица в русле антропоцентрической парадигмы на материале английского и русского языков. Отмечается человекоцентризм, антропоцентризм, эгоцентризм системы местоимений. Очерчена теоретическая значимость изучения данной проблемы в работах ведущих лингвистов о природе, сущности и семантике личных местоимений первого лица. Утверждается, что местоимение *я* выражает личность говорящего и характеризует участника события как индивида, личность, самость. Множественная природа социальных, интерперсональных ролей *Я* находит свое отражение в языке и реализуется посредством личного местоимения *я*. Анализ эмпирического материала позволяет утверждать, что местоимение *я* не просто указывает на говорящего, а подчеркивает особые черты его *Я*, самости, выражает самооценку личности. Внимание привлекает биологическая составляющая личности, то есть живое *Я*, биологическое *Я* человека, а также его внутреннее *Я* со всеми чувственно-эмоциональными и ментальными проявлениями. Установлено, что личное местоимение *я* связано с понятием имиджа, впечатлением, самопрезентацией, отождествляющими публичное *Я*, то есть одним из проявлений самости. Наблюдается целый набор значений, описывающих сущность человеческой природы посредством личного местоимения первого лица *я*. Анализ местоимения *я* в русском и английском языках демонстрирует его отсылочный характер и референтное употребление, то есть данное местоимение относится к индивиду, раскрывающему себя посредством местоимения *я*.

Путь к осознанию того, что антропоцентризм языка требует антропоцентрически ориентированной лингвистики, был достаточно долгим и сложным. Одним из первых, кто в системоцентричное описание языка, в котором все объяснялось особенностями самой языковой системы, ввел автора и адресата в качестве необходимых компонентов, был французский ученый Э. Бенвенист. Примечательно, что одну из частей своего фундаментального труда «Общая лингвистика» он назвал «Человек в языке» [1].

«Человекоцентризм» («антропоцентризм», «эгоцентризм») системы местоимений отмечается многими исследователями [2]. Идея эта восходит, в частности, к учению о местоимениях В. Гумбольдта [3]. Уместно заключить, что в работах В. Гумбольдта понятие *Я* связывалось с осознанием личности говорящего [4]. Изменчивость, непостоянство, «субъективную текучесть» значения местоимений отмечал Б. Рассел. Он назвал их «эгоцентрическими словами» [5, с. 97]. Об этом же вслед за своим учителем писал Л. Витгенштейн [6]. Важно отметить, что философская значимость этого понятия и его роль в формировании языка оценивается теперь лингвистами иначе, само представление о том, что местоимение *я* связано с выражением личности говорящего, сохранило свою значимость. Так, Ю.С. Степанов [7, с. 165] пишет о том, что «*Я* – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка». О.Н. Селиверстова полагает, что характеристика участника события как индивида, личности и составляет главное отличие местоимения *я* от такого выражения, как *произносящий данные слова* [8].

Э. Бенвенист считал, что высказывания, содержащие *я*, принадлежат прагматическому уровню (или модулю) языка. Он утверждал, что знак *я* не принадлежит языку и каждый раз создается в актах речи. Таким образом, существует множество *я*, каждое из которых имеет свою референцию и соответствует «единственному индивиду, взятому именно в его единственности»

[1, с. 286]. Давая обобщающее определение местоимения *я*, Э. Бенвенист писал: «*Я* не обозначает никакой лексической сущности» [1, с. 295], т. е., следовательно, не имеет лексического значения. Вслед за О.Н. Селиверстовой в концепции Э. Бенвениста мы не можем принять положение, в соответствии с которым знак *я* не принадлежит языку. Такое утверждение является, очевидно, произвольным. Мы не отождествляем также языковой знак и индивида, на который этот знак указывает. Однако нам представляется чрезвычайно важным положение Э. Бенвениста о том, что местоимения образуют знаки особого типа и что функция личных местоимений заключается не только в указании на роль в акте речи, но прежде всего в представлении говорящего или слушателя как индивида, взятого в его единственности [1, с. 413].

С другой стороны, личное местоимение 1-го лица *я* обозначает человека, произносящего это слово, а во время разговора так называют себя все собеседники. Слово *я* как бы перемещается от говорящего к говорящему, называя попеременно то одного, то другого. Считать, что значением *я* является что-то вроде «говорящий», неправильно [9].

Традиционно местоимения рассматриваются как заменители имен. Однако большинство подклассов местоимений имеют индексальную, или дейктическую, функцию [10]. Дейктический контекст, таким образом, строится вокруг «здесь и сейчас» говорящего, он является в этом отношении эгоцентрическим. Местоимение 1-го лица *я* (в английском языке обозначает актуального говорящего, то есть того, кто говорит в данный момент. Поскольку роль говорящего – или, говоря в более общих терминах, роль агента локуции – переходит по ходу диалога от одного лица к другому, точка отсчета в дейктическом контексте постоянно меняется вместе с референцией «*я*» и «здесь» [10, с. 321].

Следующий момент, который необходимо отметить, это то, что *Я*, выражаемое агентом локуции, является

продуктом его социальной и интерперсональной ролей, которые он (или она) играл в прошлом, и оно проявляет себя социально узнаваемым способом в той роли, которую он (или она) играет в контексте высказывания. Однако общество передает эти полномочия отдельным индивидам, и они составляют часть того Я, которое выражается, когда агент локуции произносит предложение в соответствующем социальном контексте. Таким образом, существует не одно единое Я, которое остается неизменным во всех жизненных обстоятельствах и особенно во всех ситуациях контактов с другими людьми, но скорее множество Я (не одна личность, но множество личностей, как *настоящее Я, мое второе Я, искреннее Я* и т. п.), каждое из которых является продуктом прошлого взаимодействия с другими людьми, включая, что чрезвычайно важно, прошлые диалогические, или интерлокутивные, взаимодействия: *Например, охватит меня ярость, и вот мое настоящее я так и клокочет, и все его видят, и даже я сам могу его обнаружить* [11].

Следовательно, Я может выразить себя лингвистически только с помощью грамматических категорий и семантических различий, которые ему предоставляет тот язык, который оно использует для самовыражения. По мнению Джона Лайонза, субъективность, в том виде как она проявляется в языке – локутивная субъективность, ситуационно и стилистически дифференцирована. То же самое, очевидно, относится и к степени субъективности, которая выражается в различных стилях и в различных ситуациях [10].

Кроме того, в значении местоимения я есть информация о том, что актант ситуации характеризуется как *индивидуальность, личность*, но при этом не раскрываются какие бы то ни было свойства личности. Указывается только, кто получает данную характеристику – это указание на говорящего. Еще раз подчеркнем, что слова *личность, индивидуальность* не употребляются здесь в оценочном смысле, включающем представление о значительности личности.

Показателем того, что представление о личности, индивидуальности ассоциируется говорящим со значением я, может служить следующее высказывание, раскрывающее осознание способа отображения себя через местоимение я: *Я – это я, единственный, неповторимый – как и каждый живущий на земле человек, – в чем и заключается самая суть вопроса* [12].

Аргументом в пользу того, что местоимение я задает представление актанта ситуации как личности, служит также развитие у этого слова особого значения, которое уже неоднократно отмечалось в лингвистических работах [13]: «Я может обозначать саму личность как определенный набор свойств в отрыве от его носителя: ... потребность как-то утвердить свое Я, свою личность», как в следующем примере: *Пока я готовил кофе, он продолжал про борьбу за свое Я через вражду, от которой и сам Демочкин портится, – так что именно в этом смысле его дела плохи, хуже, чем он был: развивали в нем низменное, то, что в каждом человеке можно вызвать* [14].

С.Д. Кацнельсон полагает, что входящие в дейктическое поле языка личные местоимения выделяют участников разговора. Так, «Я – это говорящее лицо в от-

ношении к самому себе» [15, с. 5], идентифицирующее себя как личность, самость.

По мнению О.Н. Селиверстовой, есть только одно условие, при котором определения к я стоят в препозиции, а именно, когда контекст строится так, что местоимение получает свой референт не в акте речи, а как бы в «предречи» или, во всяком случае, до произнесения самого местоимения [7, с. 416]. Как отмечает И.В. Арнольд, местоимение первого лица единственного числа является одним из формальных признаков повествования от первого лица, получившего в современной литературе столь широкое распространение не только в русском языке, но и в других языках [16]. Показателем этого часто служит повторное употребление я: *Та не я. Теперь я настоящая, я вся. Я теперь умираю, я знаю, что умру, спроси у него* [17]; – *Да ведь я по особому случаю, я только вчера узнал: ведь этаким я только один и есть!* [18].

По нашему мнению, в примерах подобного рода местоимение я не просто указывает на говорящего, а подчеркивает особые черты его Я, самости (*настоящая Я, этаким Я*), выражает самооценку личности. Более того, поскольку человек – биопсихосоциальная сущность, наше внимание также привлекает биологическая составляющая той или иной личности: *Я – единственный живой человек на этом корабле, но чувствую, что мой конец близок* [19], то есть живое Я, биологическое Я человека, а также его внутреннее Я со всеми чувственно-эмоциональными и ментальными проявлениями: *Я устраю свое внутреннее я, волящее, любящее и знающее, изнутри в совершенно иных ценностных категориях, к моей внешней выраженности непосредственно неприменимых* [20].

Примечательным является то, что в русском языке употребляется местоимение я, которое может утрачивать местоименное значение: я приобретает значение «личность, индивидуум»: *Откинув докучную маску, Не чувствуя уз бытия, В какую волшебную сказку Вольет-ся свободное я* [21].

В большом толковом словаре русского языка [22, с. 351–353] находим следующую дефиницию: Я, местоим. сущ. II. неизм.; ср. Употр. для обозначения сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя как личности; индивидуума, а также для обозначения субъекта (в философии): *Говорить о своем «я».* Он мое второе «я». Ее «я» отсутствовало всегда. *Представление о собственном «я».* Мир существует независимо от нашего «я».

Местоимение я может также развивать значение «любой, всякий человек, человек вообще»: *Было бы хорошо, если бы книга с шутливым названием «Мама, папа и я» была прочитана каждым «я», каждой матерью и отцом, порождающими новые «я»* [13]. В этих случаях слово я получает признак мужского рода.

Как мы уже ранее упоминали, личное местоимение я обозначает единичное лицо говорящего (я). Это местоимение также может иметь обобщенное значение и абстрагированно представлять любое лицо. Обобщенное значение приобретает местоимение я в таких условиях контекста, когда отнесенность к единичному и определенному лицу одновременно предполагает возможность – при сходной ситуации – отнесенности

к любым другим лицам: *Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо* [23].

Личное местоимение *я, I* связано с понятием имиджа, то есть стереотипом человека, закрепившимся в массовом сознании и призванным в концентрированной форме отражать суть человека [24]. В целом под имиджем понимается образ-представление, целенаправленно создаваемый, наделяющий впечатление от человека дополнительными ценностями (человеческими, нравственными), что, собственно, и способствует более эмоциональному его восприятию и формирует представление о самости того или иного индивида.

По словам Г.Г. Почепцова, «имидж представляет собой обращенное вовне Я человека, так называемое его публичное Я, то есть одно из проявлений самости. Люди как бы покрыты определенным коммуникативным ограждением в виде публичного Я, за которым может скрываться иное Я [24, с. 545].

С точки зрения психологии самопрезентация направлена на возбуждение в объекте воздействия определенных эмоций с расчетом на то, что эти эмоции вызывают желаемую реакцию. Впечатление, что NN – личность, создавшая себе репутацию надежного, компетентного, заслуживающего доверия и привлекательного человека, расширяет возможности его влияния на других людей. Поэтому-то люди и затрачивают значительное количество времени, усилий и денег для достижения социальных идентичностей (или оснований власти) [25]. Понятие *самопрезентация* происходит от английского слова *self-presentation*, то есть представление себя другим людям, то есть своего рода «продажа» своего Я, своей самости. В английском энциклопедическом словаре оно дословно обозначает «управление впечатлением о себе у других людей с помощью бесчисленных стратегий поведения, заключающихся в предьявлении своего внешнего образа другим людям», как в следующем примере: «... *I tell you, mon ami, it puzzles me. Me – Hercule Poirot!*» [26]. В данном примере самость героя представлена в объектной форме местоимения *I – me*, через употребление которого просматривается личность Эркюля Пуаро, его «самость» и загадочность его натуры, своего рода имидж, вселяющий в нас полную уверенность, что даже он, его известное имя, его опыт, меткий ум иногда бессильны в принятии решений.

Таким образом, самость, или самопрезентация, в терминах В.М. Шепель [27] определяется как умение подавать себя, привлекая к себе внимание, актуализируя интерес людей к каким-то своим видео- или аудиокачествам: «*The moment has come*», *said Poirot thoughtfully*, «*and I do not know what to do. For, see you, it is a big stake for which I play. No one but I, Hercule Poirot, would attempt it!*» [26].

В вышеприведенном примере герой эмоционально «самоподает» себя посредством личного местоимения *I*, косвенно демонстрируя психические качества его личности, и формирует тем самым определенное впечатление о нем самом и его целях, заявляя свое Я. Языковые средства создания такого впечатления разнообразны: речевые формы установления контакта (обращение по имени или имени и отчеству), употребление личных и возвратных местоимений, выражение согласия с оценкой проблемы, данной адресатом: *В принципе я с вами согласен; действительно, вы правы; я абсо-*

*лютно с вами согласен*. Иногда наблюдается «отдаление», «отстраненность» от оппонента, адресата и даже от объекта высказывания. Это можно обозначить паролем «я не рядом», «я не такой», то есть говорящий дистанцирует свою самость и оппозиционирует себя по отношению к другим.

Интересным является тот факт, что местоимение *I* может обладать возвратным значением, то есть родниться с возвратным местоимением *oneself*. Данное поэтическое употребление местоимения *I* в настоящее время устарело, но обозначает самость действия, произведенного субъектом по отношению к самому себе, что отмечается современными словарями: *I laid me down – Я улегся* [28].

Итак, мы можем наблюдать целый набор значений, вскрывающих и описывающих сущность человеческой природы посредством личного местоимения первого лица *я (I)*. Личное местоимение первого лица *я* в русском языке и *I* в английском является «эмоционально-экспрессивными формами речи», которые «интерпретируются аудиторией как личное отношение говорящего к тем объектам, явлениям, событиям, о которых идет речь, и способствуют разрушению барьеров критического восприятия, созданию атмосферы «общения», то есть выполняют определенную ориентирующе-регулятивную функцию и повышают суггестивность речевого воздействия. Возникающие при этом явления эмпатии, эмоционального заражения и сопереживания формируют оценочный фон восприятия речи слушателями» [29, с. 51]. Таким образом, анализ местоимения *я* показывает, что его своеобразие заключается не в отсутствии значения или в его изменчивости в зависимости от ситуации, а в том, что оно носит отсылочный характер и тем самым «объявляет» себя несамодостаточным: представляя актант ситуации как индивидуальность, личность, местоимение *я* не содержит в своем значении указания на образ данной личности, а всего лишь указывает на определенный набор свойств в отрыве от его носителя. Более того, местоимение *я* отсылает к автору речи как к тому, кто идентичен индивидуализированно представленному участнику события. Характер значения местоимения *я* определяет и его референциальные особенности – как правило, оно имеет референтное употребление, то есть относится к индивиду, раскрывающему себя посредством местоимения *я*. Кроме того, местоимение *я* употребляется в составе таких словосочетаний, как *настоящее я, искреннее я*, где обнаруживает значение самости отдельно взятой личности, ее уникальности, индивидуальности в многообразии ее проявлений.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Наука, 1972. 613 с.
5. Рассел Б. Человеческое познание. Киев: Ника-Центр, 1997. 560 с.

6. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М.: Гнозис, 1994. 520 с.
7. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
8. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
9. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Академия, 2005. 352 с.
10. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
11. Блум А. Молитва-встреча. URL: ruscorpora.ru.
12. Катаев В.П. Трава забвенья. URL: ruscorpora.ru.
13. Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 783 с.
14. Гранин Д.А. Зубр. М.: Профиздат, 1989. 404 с.
15. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2004. 112 с.
16. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
17. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Худож. лит., 1976. 798 с.
18. Достоевский Ф.М. Подросток. М.: Современник, 1985. 544 с.
19. Постников В. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов. URL: ruscorpora.ru.
20. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
21. Анненский Н. Который? // Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1988. С. 34.
22. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1835 с.
23. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой. СПб.: Росток, 2003. 254 с.
24. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, 2000. 766 с.
25. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 512 с.
26. Christie A. The Mysterious Affair at Styles. New York: Derkley books, 1984. 198 p.
27. Шепель В.М. Имиджелогия. М.: Народное образование, 2002. 576 с.
28. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. 13-е изд. М.: Рус. яз., 2006. 945 с.
29. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение. 2000. № 1. С. 42–53.
5. Rassel B. *Chelovecheskoe poznanie* [Human knowledge]. Kiev, Nika-Tsentr, 1997, 560 p.
6. Vitgenshteyn L. *Filosofskie raboti. Fenomenologiya. Germenevtika. Filosofiya yazika* [Philosophical works. Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of language]. Moscow, Gnozis publ., 1994, 520 p.
7. Stepanov Yu.S. *Imena, predikati, predlozheniya: semiologicheskaya grammatika* [Names, predicates, sentences: semiological grammar]. Moscow, Nauka publ., 1981, 360 p.
8. Seliverstova O.N. *Trudi po semantike* [Works on semantics]. Moscow, Yaziki slavyanskoj kulturi publ., 2004, 960 p.
9. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow, Akademiya publ., 2005, 352 p.
10. Layons J. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantic]. Moscow, Yaziki slavyanskoj kulturi publ., 2003, 400 p.
11. Blum A. Prayer-greeting. URL: ruscorpora.ru.
12. Kataev V.P. Herb of forgetfulness. URL: ruscorpora.ru.
13. Shvedova N.Yu., ed. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka publ., 1980, vol. 1, 783 p.
14. Granin D.A. *Zubr* [The Bison]. Moscow, Profizdat publ., 1989, 404 p.
15. Katsnelson S.D. *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie* [Content of the word, meaning and denomination]. Moscow, Editorial URSS publ., 2004, 112 p.
16. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazika* [Stylistics of modern English]. Moscow, Prosveshchenie publ., 1990, 300 p.
17. Tolstoy L.N. *Anna Karenina*. Moscow, Khudozh. lit. publ., 1976, 798 p.
18. Dostoevsky F.M. *Podrostok* [The Raw Youth]. Moscow, Sovremennik publ., 1985, 544 p.
19. Postnikov V. Karandash and Samodelkin in the country of the Pharaohs. URL: ruscorpora.ru.
20. Bakhtin M.M. Author and a character in aesthetic activity. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo publ., 1979, pp. 7–180.
21. Annensky N. Which?. *Izbrannie proizvedeniya*. Leningrad, Khudozh. lit. publ., 1988, p. 34.
22. Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkoviy slovar russkogo yazika* [Big explanatory dictionary of Russian]. S. Peterburg, Norint publ., 1998, 1835 p.
23. Prishvin M.M., Prishvina V.D. *Mi s tobou* [We with you]. S. Peterburg, Rostork publ., 2003, 254 p.
24. Pocheptsov G.G. *Imidzhelogiya* [Imageology]. Moscow, Refl-buk publ., 2000, 766 p.
25. Kunitsina V.N., Kazarinova N.V., Pogolsha V.M. *Mezhlichnostnoe obshchenie* [Interpersonal communication]. S. Peterburg, Piter publ., 2001, 512 p.
26. Christie A. *The Mysterious Affair at Styles*. New York: Derkley books, 1984. 198 p.
27. Shepel V.M. *Imidzhelogiya* [Imageology]. Moscow, Narodnoe obrazovanie publ., 2002, 576 p.
28. Muller V.K. *Noviy anglo-russkiy slovar* [New English-Russian dictionary]. 13th ed. Moscow, Russkiy yazik publ., 2006, 945 p.
29. Bykova O.N. Classification experience of verbal manipulation techniques in mass media texts. *Rechevoe obshchenie*, 2000, no. 1, pp. 42–53.

#### REFERENCES

1. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS publ., 2002, 448 p.
2. Apresyan Yu.D. *Izbrannie trudi. Integralnoe opisaniye yazika i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Integral description of the language and system lexicography]. Moscow, Yaziki russkoy kulturi publ., 1995, 767 p.
3. Gumboldt V. *Izbrannie trudi po yazikoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress publ., 1984, 397 p.
4. Vinogradov V.V. *Russkiy yazik: grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: grammatical theory of word]. 2nd ed. Moscow, Nauka publ., 1972, 613 p.

## SEMANTICS OF THE FIRST PERSON PERSONAL PRONOUN

© 2015

*N.A. Korepina*, candidate of philological sciences, Associate Professor,  
assistant professor of the Foreign Languages Department for Technical Specialties № 2  
*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)*

*Keywords:* personal pronoun; first person; Self; egocentrism; anthropocentrism; self-presentation; semantics.

*Abstract:* The article considers semantics of the first person personal pronoun in English and Russian within the anthropocentric paradigm. It emphasizes anthropocentrism and egocentrism of the pronoun system. The work outlines theoretical significance of the discussed issue in the works of some leading linguists on the nature, essence and semantics of the first person personal pronouns. The pronoun *I* is stated to express the personality of the speaker and characterizes any participant of the event as an individual, personality and the Self. The multiple nature of the social and interpersonal roles of the Self is reflected in the language and realized by the personal pronoun *I*. Therefore, the Self can express itself in a linguistic sense with the help of some grammatical categories and semantic differences given by the language used for self-expression. Moreover, the pronoun *I* can designate the personality itself as a definite set of traits without its bearer. The empirical data analysis claims the pronoun *I* not only to indicate the speaker, but also underline some specific traits of the Self (*my real I, my happy I*) expressing self-appraisal of the personality. Since a human being is biological, psychosociological essence or biological part of the personality draws special attention – a living *I*, a biological *I* of a person as well as one's inner *I* with perceptual, emotional, and mental aspects. The personal pronoun *I* is connected with the conception of image identifying a public *I* as a manifestation of the Self. Thus, the research exposes a whole set of meanings describing the essence of a person's nature with the help of the first person personal pronoun *I*. The personal pronouns in English and Russian are emotional and expressive forms of the speech. Analysis of the pronoun *I* demonstrates that its peculiarity is in its reference character and referential use relating to an individual expressing oneself by the use of the pronoun *I*.